

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XIII

Горный Пасть ~ Апрель 1351 года

За пределами Маунтин-Маус, под занавесом, раскинулись сияющие холмы Оверни.

Звезды сияли, западный ветер был теплым, дул сильно и ровно. словно бесцельные призраки, вихревые пылевые смерчи поднимались и опускались над неровной местностью. Восточный горизонт мерцал, молнии становились все ярче в надвигающейся буре. Небо гремело, далекие раскаты грома сливались с бесконечными барабанными дробями. Фронт бури был массивным; это было электризованное покрывало, обволакивающее изгиб земли и поглощающее небо. Надвигающаяся буря представляла собой вращающуюся суперячейку, спрессованную до совершенства под редким климатическим давлением; отсюда — плотно сформированное небесное чудовище.

Ветер сменил направление, дует с востока, сильный, холодный и мощный. Яркие разветвленные разряды рассекали небо, словно гигантские синие жилы величественного короля бурь. Взволнованные облака светились в небе. Жутковатый зеленый цвет появился, когда фронт мчался вперед с пронизывающими ветрами, ослепляющими искривленными колоннами и оглушительными взрывами. Внезапно небеса раскололись, обрушив на землю потоки дождя, словно стеклянные стены. Потоки воды с грохотом обрушились на склоны холмов, затопив множество домов.

Долины были охвачены такой яростью, которую, возможно, мог познать только Ной. Ледяные камни сыпались сверху, разбиваясь о валуны, а в долинах бурлили лужи под непрекращающимся градом.

На самом южном краю Долины Камней, на вершине скалистого хребта, на фоне яркой вспышки молнии, возвышался силуэт огромного рыцаря ростом в сорок пять рук. Одетый в черные, как смоль, доспехи, Великан В руках Великан держал длинный меч, длина которого от кончика до рукояти превышала рост человека. И размашистым ударом, который, казалось, рассекал облака, Великан взмыл клинок к небесам, прорывав глубоким и чуждым, синхронным голосом, словно множество великанов говорили одновременно: «Mors ad vitam — E!jo! Выходи!» В фиолетовой вспышке молния врезалась в меч, и силуэт исчез в никуда. Но хаос шквала продолжался: ветер усиливался, шел град, а дождь лил как из ведра.

Там, где когда-то стоял силуэт, извилистый и закрученный циклон спустился с небес, разросся до черного кошмара и двинулся на север вдоль задней стены грозового облака. В целом, эта вихревая мгла возвышалась на три мили в высоту, занимая при этом не менее четверти мили земли. Столб, подобный Персту Божьему, очерчивал землю отполированной линией, и, словно толстые усики насекомых, осматривающие землю, из этого чудовища хлестали, сверкали и извергались молнии. Вся эта вялая колонна, извиваясь и волочась вперед, словно блуждающий старик с тростью, с трудом продвигалась вперед.

Дождь лил как из ведра. Штормовой ветер завывал, когда кружащийся Гигант тяжело двигался к Горному Усту. Камни с грохотом скатывались по хребту. Колонна с трудом переваливала через вершину. Он взобрался на холм и, укрепившись в долине, устремился к горному лону, в глубине которого находилась лежащая статуя, покрытая гуано, прижимавшая к груди изношенную козью сумку — каменные останки гротеска, окаменевшего Эльо, осужденного солнечным светом. Его рот был открыт в застывшем крике, а мертвые глаза смотрели на потолок грота, покрытый бурлящим перевернутым морем дрожащих летучих мышей. Вокруг него его изорванная, запятнанная одежда развевалась и трещала на подземном ветру, словно несущееся боевое знамя.

После своей смерти Эльджо был заточен в, пожалуй, довольно странном месте, которое лучше всего охарактеризовать как область «Пустоты». Пустота была вечно пустым чистилищем для существ, не являющихся людьми, — для тех живых существ, которые недостойны божественного опыта. Именно туда отправлялись летучие мыши, птицы и пчелы, когда умирали. Пустота была пыльным чердаком Творения, заваленным воспоминаниями менее удачливых существ Жизни. Это, возможно, было высшее место.

Пустота Вечности, достойная отмахнутой мухи, пойманной рыбы или забитого ягненка. В целом, Королевство Пустоты было скорее загробным миром для существ, обреченных на вечное небытие из-за отсутствия души. Именно это Королевство впоследствии унаследовали Эльджо.

Однако, с неизмеримой скоростью и смертельным размахом, торнадо обрушился на склон холма, и Горный Пасты, с воем, была атакована шквальным потоком вихревого песка, камней и обломков деревьев. Обломки разлетались по его поверхности, стирая черты — делая её гладкой. Высоко в небе миллионы заряженных областей вспыхнули в извивающихся облаках, соединяясь и собираясь, порождая тысячи светящихся и нисходящих ветвей, а также сходясь в несколько толстых смежных разрядов. Они тоже объединились, образовав единую колоссальную колонну, которая, казалось бы, лишила небес всякой силы.

БУМ! Словно разъяренное копьё Бога, ослепительный поток обрушился на землю и рассек вершину Горной Пасты, сметая ее верхнюю часть с такой силой, что она проникала в гору и поражала ее глубины. Внутри пещеры обрушились секции потолка. С рушащегося потолка посыпалось море летучих мышей, камни и пыль обрушились на статую Эльджо, засыпав ее ноги и покрыв кожаный мешок, лежавший на ее груди. Подгоняемый ревушим ветром, внутренний грот превратился в кипящую массу, а снаружи чудовищный вихрь вытащил почти треть летучих мышей из их пещерного убежища и поглотил их, раздавив в Царстве Пустоты.

Вихрь тяжело двинулся прочь от Горного Уста, лишь для того, чтобы высунуть свою толстую ногу из долины и взмыть в чёрное небо, откуда он и пришёл. В конце концов, ветры Улетели, и редкие дожди превратились в едва заметную морось над разбухшими лужами. А когда хаос закончился, оставшиеся летучие мыши вернулись к потолку, и грот замер, словно Смерть, нарушаемый лишь редкими щелчками и шелестом упрямых камней потолка, которые уступили свои высокие места полу пещеры, где и покоилась статуя кричащего Гротеска.

Однако в этой мертвой тишине из угла потрепанной кожаной сумки, в которой находилось несколько предметов, включая обломки некогда запечатанной фляги, вытекала коричневая жидкость, стекая тонкой струйкой по остаткам изорванной мантии. Освященная кровь пропитала нити, увлажняя гранитные ребра статуи. В предыдущие мгновения темную тишину нарушали потрескивающие отголоски — звуки, очень похожие на хлопки. Камешки в раскаленных углях. А там, где пролилась кровь, трещины искорежили гладкую форму статуи, расходясь в стороны.

По гранитной поверхности стремительно распространялись тонкие трещины, соединяясь и собираясь, словно крошечные потоки черных молний, окутывая каждый ее край. Но потрескивание прекратилось; воцарилась тишина, оставив после себя каменное лицо Эльджо, словно сошедшее со страниц головоломки. Возможно, бесчисленного множества нерегулярно соединенных между собой частей.

БУМ! Статуя взорвалась, разбросав по пещере осколки гранита. Сумка отлетела — её быстро сдуло — и в центре рассеивающейся пыли, на куче зернистых обломков, зашевелилась обнажённая плоть.

«Отец», — простонал Эльджо, его слабый и хриплый голос звучал как у измученного человека, давно страдающего от обезвоживания. Он перевернулся на другой бок, извергая комки влажного песка. Возможно, облако жалищих ос меркло на фоне нынешней, всепоглощающей агонии, и, охваченное лихорадочной дрожью, оно свернулось в мясистый комок. Его задыхание и стоны — крики боли — эхом разносились в душе, словно умирая в обратном порядке.

В оцепенении исцеления — в этом внешне бесконечном течении времени — проклятый рев в его ушах уступил место более мягкому и сладкому звуку: успокаивающему резонансу непрекращающегося дождя. Таким образом, когда боли воскрешения утихли, превратившись лишь в тупое жжение, и когда его чувства... Частично вернувшись, Эльджо неуклюже переполз по заваленному мусором полу, расчищая узкую тропинку и с трудом продвигаясь вперед, все ближе и ближе к входу в пещеру — к неутолимой жажде свежей воды на потрескавшихся и пересохших губах.

Без пещеры, возвышаясь величественно и непокорно посреди истерзанного и израненного ландшафта, Горный Пасть пережил бурю, отколов лишь свою вершину. Ее израненная и истерзанная голова возвышалась над той же каменной долиной, которая теперь была поглощена бурлящими белыми водами ревущей и бушующей реки. Из глубин ее горного хребта показалась обнаженная фигуристая пасть. Обладая мускулатурой зрелого мужчины — рельефной мускулатурой, обхватывающей довольно крупное тело, — оно выползло наружу, скользнуло в лужу и замерло. В своем неизменном виде тело, пожалуй, больше всего напоминало крылатую версию бывшего монаха Ивана.

Лазарь жил.

~*~

И так случилось, что в последующие дни после своего воскрешения Лазарь исцелился, его разум прояснился, к нему вернулись силы, и он смог заниматься обычными делами.

Существование. Приспособившись к своей нагоде и теперь уже возросшим размерам, Лазарь сумел сшить набедренную повязку из остатков одежды, которые лежали в его мешке с провизией, защищенном от непогоды.

Возможно, к счастью для Лазаря, вскоре он обнаружил, что летать оказалось не сложнее, чем прежде, — его больший размер компенсировался большим размахом крыльев. Движимый неизбежным голодом, он по ночам выбирался из пещеры и возвращался со свежим уловом рыбы из водоема, расположенного между задним склоном горы Маунтин-Маус и соседним холмом.

Вновь оказавшись внутри грота, кольцо из камней, не видевших огня несколько сезонов, теперь окружало регулярно потрескивающие языки пламени, источающие дым от жареной рыбы и отбрасывающие длинные танцующие тени под потолком из сотен маленьких черных глаз. На первый взгляд, если бы не более внушительный рост Лазаря и более мягкий весенний климат, события в Горном Устье могли бы показаться такими же, как и до смертельной встречи Лазаря с солнцем.

Дни сменялись неделями, пока летучие мыши занимались своими обычными делами, вылетая из грота на закате, чтобы затем вернуться на ночлег, сытые до отвала, перед рассветом. А Лазарь улетал и возвращался вместе с летучими мышами, но сам устремлялся в одиночку, паря над сияющими ночными землями, неустанно всматриваясь в первые лучи палящего солнца, чтобы они не застали его слишком далеко от Горного Уста.

За это время его рацион стал разнообразнее, как и его навыки в охоте с воздуха. Кротов, зайцев и даже изредка лис он привозил в Маунтин-Маус. Кроме того, из множества книг, выученных им наизусть — тома из скриптория, который его отец-монах настоял на том, чтобы прочно запечатлеть в его памяти, — он получал от своей добычи много: копченое и вяленое мясо, дубленые шкуры, из которых он шил штаны, кожаные туфли и жилет с открытой спиной, и даже грубые инструменты, вырезанные из заточенной кости.

Применяя эти многочисленные методы, те самые, которые Иван давно сделал для него мысленно и легкодоступными, Лазарь осознал истинную значимость... Неумирающая любовь отца. Изношенный деревянный молитвенный крест, украшавший его шею и часто целовавшийся, возможно, служил не только средством увековечивания памяти об отце, но и способом укрепления веры. А может быть, он был последней осязаемой нитью, соединяющей ткань его прежнего предсказуемого мира с миром дикого и безграничного.

Май 1351 г.

Ночь была еще молода. Прошел всего час с тех пор, как Лазарус, тяжело дыша и обливаясь потом, прислонился к скале у входа в пещеру, глядя вниз на взрослого кабана, которого он принес с последней охоты. Это была его самая крупная и быстрая добыча, и на то были веские причины. Он поцеловал свой крест и затащил тушу в пещеру, мимо разбросанных костей свиньи, которую он давно уже не убил. Возвращаясь с охоты, поток визжащих летучих мышей нырнул в Горную Пасту, подстрекаемый Лазарем, и улетел глубоко в пещеру. Лазарь обернулся и с сухой улыбкой крикнул им: «Но мой больше!» Он поднял кабана на плечо и, спотыкаясь, пошел за ними, крича, но улыбаясь, сохраняя равновесие и взмахивая крыльями то в одну, то в другую сторону.

Вскоре разгоревшийся длинный костер отбрасывал движущиеся тени на грот, освещая ошестившиеся останки кабана. Он лежал у каменной стены, с выдолбленной задней частью туши, а на некотором расстоянии от головы лежали очищенная бедренная кость и полоски шкуры.

Ближе к центру пещеры Лазарь сидел на валуне, у его ног лежал дымящийся свиной стейк. Мясо шипело на раскаленном плоском камне, служившем гладкой поверхностью для приготовления пищи, и аромат жареной свинины наполнял пещеру.

«Ты не пойдешь со мной. Ты не в состоянии совершить это путешествие. Но я надеюсь, что ты все равно меня помнишь», — крикнул Лазарь, улыбаясь и жаря несколько кусков мяса на палочке, которую держал над потрескивающим пламенем. «У меня есть обещание, и я его сдержу. Я действительно уезжаю — завтра. Увидишь», — он взглянул на потолок грота и сообщил летучим мышам — сотням маленьких черных глаз, смотрящих на него сверху вниз. Свободной рукой Лазарь поднял лежавший рядом нож из кости, проткнул им свиной стейк и перевернул его, чтобы он снова зашипел. Затем он вытащил палочку из огня и из стопки небольших, мягких, дубленых шкур положил три из них у своих ног.

«Их нужно достаточно приготовить и высушить», — пробормотал он, снимая приготовленные куски свинины и кладя их на шкуры. Лазарус продолжил разговор с летучими мышами; «Я уезжаю далеко!» — Он завернул копченую свинину в шкуры и жир, завязав свертки. — «Через огромное море — в страну Италию. Я приведу монаха Сальвитино и...» «Вернись с ним в аббатство, чтобы закрыть Ворота. А когда он их закроет, тогда я попрошу аббата Вонига стать монахом, потому что я уже взрослый. И он сможет назначить меня монахом катакомб, потому что я знаю о них всё — так же, как и мой отец».

Лазарь поднялся с завернутым мясом и подошел к своей козьей шкуре, перевязанной кожаными ремнями.

Сумка, зажатая между двумя полными водяными пузырями. Он сложил внутрь дымящиеся обертки — дополнительные припасы, которые он мог взять с собой в путешествие. «И Мигуаль» А Татей может помочь мне с факелами. И я никогда не позволю брату Клодию войти в катакомбы». Он усмехнулся, закрыл сумку и вернулся к огню.

Вернувшись на свое место, он, ударив грубым костяным ножом, снял свиную вырезку с камня, усмехнувшись: «Это пир, достойный даже голодного брата Лазаря». Он медленно перевернул аппетитное мясо в свете огня и, заметив идеальную подрумяненность, сдул пар.

Но с потолка упал большой комок гуано и разбрызгался по стейку, смывая его.

Улыбка исчезла. Еще несколько насекомых разлетелись вокруг него. Летучие мыши порхали над головой.

«Нет», — простонал он. Он встал и взмолился к потолку: «Почему?» Затем воздух резко похолодел — настолько, что он увидел, как его дыхание затуманилось; и тошнотворно-сладкий аромат заглушил все вокруг. Запах жареного мяса. В свете костра сверкали маленькие глазки миллионов летучих мышей, все они пристально смотрели на него сверху вниз. Треск и шипение горящих дров неестественно стихали в сгущающемся воздухе; пламя огня словно сжималось и сворачивалось внутрь, как лепестки цветка, быстро распускающегося в обратном порядке.

«Неужели мы родились заново?» — почти незаметно прошептал из-за спины неестественный, гармоничный и накладывающийся друг на друга голос — вопросительный, синхронный, голос множества женщин одновременно. Ему оставалось лишь подумать, услышал ли он это своими ушами или мысленно.

Лазарус резко обернулся; дыхание его вырвалось, словно разорванная душа, когда Люцифаэль, стоявшая на расстоянии вытянутой руки от него, совершенно обнаженная и слегка ухмыляясь, обнажая между багровыми губами толстые кончики клыков, похожих на собачьи. Под ее растрепанными волосами пара совершенно черных глаз отражала перевернутое изображение пещерного огня, с перевернутыми языками пламени, танцующими вниз голубоватыми оттенками. Более того, с черными ногтями и алыми ареолами на фоне слоновой кожи, и с огромными крыльями из слоистой плоти и костей, раскинувшимися над ней и позади нее, Люцифаэль, возможно, могла бы насмеяться над Чистотой одним своим присутствием.

Люцифаэль отбросила Лазаря через всю пещеру, резко сложила крылья и бросилась за ним. Лазарь отшатнулся назад и с трудом поднялся на ноги. Он ответил ей тем же, расправив крылья, шипя и отступая назад. Она остановилась, скрестила руки, выпятила грудь и наклонила голову, как любопытная собака; она оглядела его с довольной улыбкой.

Она тихо сказала: «Ты хорошо повзрослел. Однако в последнее время я вспоминала тебя лишь как камень».

«Статуя — глупый мальчик Эльджо, убитый солнцем, когда тащилдохлую свинью. Точно такая же, как та самая». Она указала на костлявую тушу, лежащую через пещеру.

«И вот ты стоишь, снова живой — и, что немаловажно, с отчетливым сиянием».

Ты не родилась с ним. Как ты его получила? Он только что сделан. У тебя его не было, когда мы разговаривали в последний раз». Она прищурилась, превратившись в узкие черные щели; «Теперь я должна задуматься: является ли судьба такой уж загадкой? Или это необычное воскрешение — своего рода божественное предзнаменование?» Она оглядела обломки на полу пещеры и увидела гранитные осколки, когда-то служившие камнем для заточения Лазаря. «Хм», — пробормотала она.

«Я не молился тебе и не призывал тебя», — выплюнул Лазарь, отступая назад и подбирая крылья. «И всё же в каком-то смысле ты это сделал — в тот момент, когда бросил вызов смерти. Лазарь, ничто не ускользает от моего внимания, особенно что-то столь серьёзное, как воскрешение». Она заметила маленький деревянный крестик на цепочке Лазаря и скривила лицо. «Зачем ты носишь эту бесплодную и бесплодную веточку на шее?»

Лазарь сжимал крест между пальцами: «Это молитвенный крест — образ моей веры — он принадлежал моему отцу».

Она склонила голову, словно обдумывая его заявление, но тут же разразилась злорадным смехом.

«Богобоязненный Эльджо, украшенный кумиром жреца?» — усмехнулась она. —

«Представьте себе, из всех извращений мира».

«Зачем ты пришла?» — спросил её Лазарь.

Она откинула руки назад и подошла к нему, небрежно отбрасывая в сторону мелкие камни.

Лазарь стоял непоколебимо: «Не потому, что вы могли вызвать или отпустить меня по прихоти. И то, что вы не видели меня раньше, не означает, что я не всегда был рядом; я был среди свиней».

«В свиньях?»

«Когда ты смотрел свинье в глаза, я смотрела на тебя в ответ». Она остановилась перед ним и продолжила: «Видишь ли, дорогой, перед смертью я послала тебе свинью, потому что хотела наглядным образом убедиться, что даже такое простое состояние, как голод, может заставить тебя поступиться своими ценностями. Да, я испытала тебя — и это тебя победило. Воистину, случилось так, что убийство свиньи обошлось тебе ценой собственной жизни. Представь себе». Люцифаэль широко улыбнулся, гордо выставив клыки. «Вспомни свое учение, Лазарь: « Не убий»? И все же ты убил — ты поступился своими ценностями — и ради чего, как не ради сытого живота?» Она указала на его последнюю добычу, лежащую у стены пещеры: «А теперь ты убиваешь еще одну». Она подняла бровь. «Возможно, ты ценишь свои ценности лишь тогда, когда они тебе служат, не так ли?»

«Свинья была всего лишь зверем. Бог не предполагал, что Его заповеди будут применяться к зверям земным, только к людям», — сообщил ей Лазарь.

«Ах», — ответила она, словно учась у него. «Тогда, если я убью тебя сейчас, разве я нарушу это?»

правило?

«Не убий — нет, ты бы убил».

«Понятно», — кивнула она, приподняв бровь и поджав губы. — «А скажи мне, Эльджо, что ты помнишь после смерти? Помнишь ли ты, что видел Рай или Ад — хоть что-нибудь?»

Лазарус отвел взгляд и признался: «Я... я не помню».

Она усмехнулась. «Тогда это может открыть лишь одну простую истину. Какой бы болезненной она ни казалась, правда в том, что ты не человек, Лазарь. В отличие от своего отца, ты — Эльо, простое земное чудовище, подобное свиньям, которых ты убил. Поэтому у тебя нет души — нет загробной жизни. Теперь ответь мне: какая польза от твоей веры, если в конце ты ничего от неё не пожнёшь?»

Он расправил плечи. «Я не буду сомневаться в своей вере, в своем Господе или в Его божественной воле». — Ну, конечно, не надо, — резко ответила она, — потому что эти представления укоренились в самой основе... Ваше существование, они жалко служат основой для всего остального, чему вы впоследствии научились. И мы же не можем ожидать от вас новых, но горьких идей, которые вы упорно отрицаете, даже если они представлены разумно, не так ли?»

Она повернулась и, осматривая пол, начала рассуждать: «Потому что если вы так поступите, то, возможно, вам придётся пересмотреть свои убеждения. А это может потребовать последующего пересмотра и остальных ваших мирских взглядов, чтобы они более точно соответствовали, возможно, суровым мирским истинам. А мы не можем вынести этих страданий, не так ли?»

Она пнула камешек и украдкой взглянула на него. «Слишком больно — переосмысливать фундамент; слишком тревожно — трясти эти, казалось бы, прочные плиты, чтобы обнаружить в них множество фундаментальных недостатков, просто чтобы понять, что собственный дом построен на зыбучих песках». Затем она повернулась и подошла к нему, сверкнув глазами. Лазарус отступил назад. «Однако я не являлся вам с намерением обсудить то, о чем вы отказываетесь знать, мой дорогой Эльо».

Затем она остановилась, наклонилась к его лицу и прошептала: «Я здесь, чтобы узнать, что ты знаешь. Ты единственный из моих детей Эльджо, кто когда-либо родился заново, единственный, кто когда-либо носил вокруг себя Сияние Трона. И всё же в камне ты не мог ни воскреснуть, ни наложить Сияние на свою голову. Кроме того, маловероятно, что это произошло случайно. Теперь я хочу, чтобы ты рассказал мне о том, кто вернул тебя к жизни». Люцифаэль подтолкнул его мысли: «Вспомни всё для своей дорогой матери, Лазаря. Кто тебя воспитал? Святой человек или мистик магии?» Она склонила голову и вгляделась в его лицо, глубоко всматриваясь в океаны его голубых глаз в поисках подсказок.

Лазарус отвернулся. «Я помню лишь сон без сновидений — тяжелую тьму». Острая боль пронзила его мозг. Он вздрогнул, схватился за виски и отступил еще дальше, пока Люцифаэль прожигала его череп своим любопытным взглядом, впечатываясь в его воспоминания.

«Покажи мне своё мысленное око», — пробормотал Люцифаэль, грациозно приближаясь к нему. «Кто тебя воскресил, Эльджо?» У него сильно заболела голова, когда она всё глубже проникала в его сознание. Однако стена пещеры преграждала ему путь к отступлению. Она продолжала мучительное ментальное извлечение информации, его разум ревел от ускоряющегося мерцания каждого вспомненного ощущения — словно память о всей его жизни была всего лишь книгой страниц, тщательно, но поспешно перелистнутых. Она спрашивала его: «Кто снова сотворил тебя плотью? Кто наложил на тебя это сияние?»
Возможно, другой Ангел? Сам Престол? Ответь мне!

«Я ничего не помню!» — выдохнул Лазарус. «Нет!» Боль утихла, зрение прояснилось, и перед ним предстал Люцифаэль, теперь с довольной улыбкой на лице. «Ах! Ты хранишь много секретов. Да, теперь я тебе верю», — ответила она, тут же отступая, возможно, давая ему лишь мгновение, чтобы прийти в себя. «Не волнуйся; я больше не причиню тебе боли, мой дорогой. Так было лучше — что я понимаю твой разум. И теперь, когда я это знаю, мы можем начать все сначала — как мать и сын».

Теперь, когда ты жаждешь знаний и готов их услышать, я могу открыть тебе секреты всего, что тебя когда-либо интересовало, — и даже больше. Представь себе совершенную красоту этого: всеведущее понимание». Она оглянулась через плечо, за крылья, и на её лице появилась озорная лучезарная улыбка: «Тебе бы это понравилось, сынок, — наконец-то утолить твоё жгучее любопытство?»

Возможно, для Лазаря сочетание её языческого взгляда и обнажённого совершенства казалось отвратительным — вся полнота её присутствия пробуждала в нём тошнотворную горько-сладкую безупречность, пробуждающую лишь грех. Покраснев и сильно смутившись, он отвёл взгляд. «Не тобой. Ты — всё зло».

«Разве идола не являются, по всей видимости, злом, как та икона, которая висит у тебя на шее?» — невинно спросила она его, намекая на одну из заповедей Божьих. Лазарь сжимал в руках свой молитвенный крест. «Это крест, символизирующий Иисуса, Сына Божьего, отдавшего на нем свою жизнь за наши грехи. Это не кумир».

«Ну, серьезно, Лазарь», — она покачала головой, выражая явное разочарование в нем. — «Ты понимаешь, что этот Иисус был единственным человеком, когда-либо умершим на кресте; или что такого способа казни не существовало до его жизни? Скажи мне, если бы его сожгли заживо, ты бы надел горящий столб? Или, если бы его повесили, ты бы повесил себе на шею веревку с узлами?» Она подняла бровь. — «И как бы ты украсил себя изображением Иисуса?»

«Какова была бы ваша вера, если бы вместо этого его утопили?»

Она стряхнула пыль с пола пещеры: «Нет, дорогая, твоя икона — всего лишь высеченное изображение причудливого орудия казни человека. С тех пор я собрала множество душ нечестивых людей, погибших на них».

«Однако никогда не Иисус. И Бог позволяет вам собирать души нечестивых только потому, что вы сами нечестивы».

Она посмотрела на него свысока. «Позволяете?» Она прищурилась, предупреждая его: «Полагаю, в ваших жилах течет достаточно моей крови, чтобы вы понимали, что не стоит навлекать на себя мой гнев, Лазарь».

«И всё же я говорю только правду».

«Ах, да — чудовище, пораженное верой, которое утверждает, что говорит только правду», — насмешливо сказала она ему.

Она расхаживала по земле, скрестив руки, погруженная в размышления. «Ответь мне на этот вопрос, Лазарь: если бы я защитила твоего Иисуса, пощадив его жизнь, убив судей до того, как они успели осудить его, разве это было бы злодеянием?»

Лазарь ссылаясь на Божью заповедь: «Не убий. Убивать даже нечестивых — зло».

«Хм. А если бы я полностью стер Зло с лица земли, убив каждого человека на ней, было бы это злом? Разве само по себе избавление от Зла — зло?»

«Это был бы злой поступок — и зло всё равно бы существовало. Это из-за вас; зло существует! И мир Это не твоё творение; это Божье творение. Он никогда не позволит тебе убить его, ибо Он — милосердный и справедливый Бог».

Люцифаэль, расправив крылья, выпрыгнула вперед и встала прямо перед его лицом. «Никогда не позволяй «Я?» — Она повела Лазаря дальше в грот, крича ему: «Мужчина мой!»

«Весь мир принадлежит мне!» — Лазарус вжался в стену пещеры. — «А теперь успокой свой язык, Эльо!» В мгновение, которое казалось вечным, их взгляды встретились: черный на синем.

Наконец, он ответил послушным голосом: «Тогда я больше не могу тебе отвечать, поскольку твой гнев не позволяет мне говорить свободно». Люцифаил фыркнул и помчался в центр грота. Лазарь прислонился к стене. «Хорошо», — ответила она, развернувшись .

«Как один из моих Эло, я дам тебе возможность высказать своё мнение. Но прежде чем ты раскроешь свой язык, подумай о своём месте среди меня».

«Тогда я выскажу свое мнение», — продолжил Лазарь.

Она расхаживала по центру пещеры, не отрывая от него взгляда. «Значит, земля не моя, как ты думаешь? И твой Бог не позволит мне — как ты утверждаешь?» Она остановилась, повернулась к нему лицом и

Она гордо скрестила руки на груди, поддерживая широко раскрытые красные глаза на своей груди. Она усмехнулась: «И всё же, пока ты был мертв, Лазарь, я истребила половину мира. Так случилось, что двое мужчин пахали поля; я убила одного из них. Две женщины склонились, мололи зерно; я убила одного из них. Двое детей играли, копали землю; я убила одного из них. Теперь я спрашиваю тебя: где же был тогда твой милосердный Бог? Где, если не предстал перед тобой сейчас как истинный правитель этого мира?»

«Если вы будете говорить правду, то Бог привлечёт вас к ответу за такое зло».

«Мне... в счете?» — Люцифаэль подошел к нему ближе и возразил: «А кому же тогда будет предъявлено обвинение?»

«За гораздо большее зло — за то, что обрушили на землю великий потоп и убили почти всех зверей, — за то, что раздавили каждое дерево и куст океанами глубиной с висащие облака, — за то, что излили бездонные моря в глотки каждого ребенка на земле, как рожденного, так и еще не родившегося? О, да! Я помню тот самый день, когда мир закричал в один голос, с такой коллективной страстью, что даже небеса замолчали и прислушались к ужасу».

«И вот, когда так много деревьев погибло одновременно, я услышал даже их совместные стоны, слившиеся в один удушающий гул, завывали целые леса, их верхушки трещали под ногами». бушующее соленое море. И, кроме того, в тот солоноватый, бездонный день я ощутил, как задушили все их семена, пропитанные рассолом, так что голос их плодов слился в единый мирской крик; один он был достаточно громким, чтобы заглушить даже хоры кричащих ангелов. «Итак, Лазарь, кто же понесет наказание за такое абсолютное зло, если не твой милосердный Бог?»

«Человек отвернулся от Бога. В глубине души Бог не хотел затопить землю. Человек сам навлек на себя Великий потоп», — проповедовал Лазарь. «Однако после него человек пообещал вернуться к путям Божиим, и Бог справедливо пообещал, что больше не будет потопов».

Люцифаэль подошел к нему и длинными черными ногтями отковырнул от камня.

«За стеной пещеры она прошептала: «А разве праведники когда-нибудь обещают никогда не повторять своих праведных дел?» Она повернулась к нему с лукавой улыбкой. «Скажи мне, чтобы этот потоп не был несправедным деянием, зачем это обещание? Неужели твой Бог настолько праведен и заботлив, как ты хочешь, чтобы Он был? За всю твою жизнь, за все эти бесчисленные молитвы, когда твой Бог хоть раз ответил, Лазарь? И почему твой Бог никогда не являл тебе Своего лица, как я сейчас?»

Лазарь прижал уши и отстранился от неё, ответив: «Моя вера во Всемогущего Господа и Бога непоколебима, и я не буду сомневаться в Его путях. Ты говоришь зло.

«Только потому, что это всё, что ты знаешь, — это всё, что ты можешь сделать. Но твой злой язык не отвратит меня от Бога моего и от истины».

«Искушение?» — Она подошла к центру пещеры и окликнула его, ее голос эхом разнесся по более глубоким коридорам. — «Лазарь, неужели кто-либо, обладающий знанием и проницательностью, пожелает, чтобы на его деяния пролился свет, и все увидели бы их?»
«Полагаю, нет».

«И разве могла Лазарь, мать, обладающая знанием и прозорливостью, навсегда ли ослепить и лишить своих детей дара речи?»

"Нет."

«Разве может у Истины, дорогой Лазарь, быть больше одного лица?»

«Истина есть истина», — заявил Лазарь.

Она повернулась к нему и завела руки за спину. «Ты хорошо отвечаешь. Теперь я спрашиваю тебя вот что: давным-давно, в тех пышных лесах Эдема, кто повелел человеку не вкушать...»
«Плод познания и проницательности, что его глаза навсегда остались закрытыми от Истины? И в свете всех поколений Его, кто искушал человека таким плодом, что его глаза открылись для Истины?» Тогда она громко упрекнула его: «Спрашиваю тебя, Лазарь, кто скрывает Истину?»
«Ваша соблазнительная мать; ваш соблазнительный Бог; или ваше слепое «я», которое упорно отказывается это видеть, чтобы вам не пришлось усомниться в самом основании вашей веры?»

Лазарь защищал Господа: «Бог не искушает. Только ты искушаешь!»
«Кто же бросает тушу перед волками, запрещая им вкушать ее? Искуситель !
И кто сотворил такой плод, запрещая человеку вкушать его?»

Искуситель так и сделал!

«Ты не должен...»

— Не так ли? — перебила она его. — Не так ли, дать дураку знания и проницательность, чтобы он осознал невежество своих собственных безосновательных заявлений? О, но я дам, когда стану свидетелем таких отвратительных поступков. Невежество передо мной. И всё же, даже когда тебе это показывают, ты всё равно отвергаешь истину. Если бы не ты
«Мой Эльо, если бы ты был всего лишь человеком, я бы тебя убил за такую умышленную дерзость в моем присутствии. Но я позволю тебе жить, потому что, в отличие от твоих заявлений обо мне, я способен не только на зло, но и на добро и милосердие».

Лазарь обдумал её утверждение и возразил: «Однако я уже жив. Если вы позволите мне жить, то такой поступок не будет ни добрым, ни милосердным. Это всего лишь поступок, лишённый зла». Люцифаэль ответил: «Ты же утверждаешь, что я могу говорить и творить только зло. Как же я могу?»
Разве Бог, будучи исключительно злым, может совершить поступок там, где нет зла? Более того, скажи мне, Лазарь, может ли твой Бог совершить поступок, если в нём нет добра?

Лазарь скрестил руки и ничего не сказал.

«Я не поразил тебя немотой и слепотой; дай ответ».

Он хранил молчание.

Она фыркнула, цокнула черными ногтями по камню на полу пещеры и швырнула его в сторону.

Щелк! Лазарус поймал камень всего в нескольких сантиметрах от своего лица. Он увидел, как она кивнула и улыбнулась, подняв бровь, возможно, впечатленная его скоростью. «Это подарок от твоей матери», — воскликнула она. Лазарус повернул камень и увидел, что он приобрел новую форму — большой, блестящий, прозрачный, пурпурный самоцвет, сверкающий в свете огня. Он вгляделся в камень, замороженный его мерцающим великолепием.

«Ну и что же говорит тебе этот молитвенный камень? Как по нему ты сможешь оценить мои намерения? Был ли мой поступок добрым или злым?»

Лазарь поднял взгляд. «Всё не так просто. Камень ничего не говорит. И всё же, если бы ты захотел, чтобы камень поразил меня, это было бы злом. А если бы ты захотел дать мне...»

Он опомнился и замолчал.

Люцифаэль усмехнулась и шагнула к нему. «Да, закончи, Лазарь. Если бы я хотела сделать тебе подарок, это было бы проявлением доброты». Она вскинула руки с улыбкой. «Вот и всё; прекрасный подарок от твоей матери». Лазарус осмотрел его, а затем, прищутив глаза, посмотрел на неё.

Она подошла к нему, с таким же энтузиазмом рассматривая драгоценный камень в его руке.

«Это оттенок, который мне больше всего нравится. А вам его цвет?»

«Я никогда не видел такого камня».

«Я догадался, что тебе понравится такой подарок — он из тайной пещеры, которую с тех пор не обнаружил ни один смертный человек. Там есть еще много чудесных молитвенных камней, подобных этому, и всех цветов радуги, какие только можно найти. Лазарь, я могу рассказать тебе, где находится эта нетронутая пещера, если ты этого пожелаешь. И с твоим открытием все богатства всех царств на земле окажутся у твоих ног — все эти молитвенные кристаллы могут стать твоими, Лазарь. Ты этого пожелаешь?»

Лазарус разглядывал прекрасный фиолетовый кристалл. Он был полностью прозрачным, с шестью гладкими гранями, сходящимися в острые концы на противоположных сторонах камня. Он бросил на Люцифаэля гневный взгляд. «Зачем ты мне это предлагаешь, чтобы не соблазнить меня на зло?»

Люцифаэль фыркнула и отошла. Она снова зашагала взад-вперед, предлагая: «Я предлагаю тебе это в обмен на простую просьбу: откати камень и открой пещеру. В этом нет ничего злого. Открой эту пещеру, и все ее сокровища станут твоими».

«Если бы ты действительно хотел подарить мне эти камни, ты бы сделал только один из них».

«Появиться, когда ты мог бы заставить их всех появиться. И поскольку ты просишь меня открыть эту пещеру, когда ты сам Дьявол и мог бы открыть её сам, я могу лишь предположить, что, открыв её, я совершу зло. Или что ты совершишь зло, если её откроют».

Тогда, согласно твоим рассуждениям, разве нельзя рожать детей из страха, что они могут совершить зло? Более того, разве нужно желать уничтожения всего творения, чтобы зло никогда не произошло? Где проходит та грань, за которой предотвращение зла не душит добро, Лазарь? «Между добрыми и злыми делами и их намерениями», — ответил он.

«Однако, как утверждает ваша вера, последствия моих деяний лягут на мою голову, а не на вашу.

Таким образом, вы можете быть привлечены к ответственности только за открытие пещеры — поступок, который «Не является ни злом, ни добром».

Лазарь бросил драгоценный камень на пол пещеры. «Меня привлекут к ответственности за то, что я помог тебе. Я помогу». Мне не нужны ваши подарки. Я прошу лишь, чтобы вы оставили меня в покое.

Она уперла руки в бледные бедра и сердито посмотрела на него. «Что ж, я не могу заставить себя выполнить твою просьбу, Лазарь; не после того, как заглянула тебе в голову. Похоже, ты обещал святому человеку, Николаю, доставить сосуд с освященной кровью, принадлежащей другому святому человеку, Одино. И ты должен был передать эту кровь третьему святому человеку, Сальвитино, живущему в монастыре в Италии. Однако, по довольно странному и роковому стечению обстоятельств, эта кровь каким-то образом пролилась на тебя, и вот ты здесь, воскресший из мертвых. Я так и предполагаю». Какое совпадение, что такой поступок произошел совершенно случайно, особенно после того, как прошло более трех сезонов. К сожалению, поскольку вы не помните, как это случилось, теперь это остается загадкой для нас обоих.

«Тем не менее, из ваших мыслей я узнал и то, что вы знаете еще одного из моих детей Эльо, Нарамсина, развращенного теми же глупыми святыми людьми, которые развратили и вас». Действительно, вы очень похожи на него, работая бок о бок с мужчинами, перенимая их веру, обязанности и манеры поведения. И вы оба делали это с наивным желанием, чтобы, возможно, они увидели в вас достаточное сходство с собой и приняли вас как одного из них. Ах да, вы оба. Вы могли бы быть братьями-близнецами; и если бы вас не звали Лазарем, я бы предположил, что вы — Нарамсин, воскресший из мертвых.

Вспомнив последнее письменное свидетельство Нарамсина, Лазарь спросил её: «Почему ты не помогла освободить его? Его же заключили в тюрьму за стеной».

Она усмехнулась. «Судьба мне пошла на пользу. Видишь ли, если бы я помогла освободить Нарамсина, он бы никогда не написал слова, которые теперь запечатлелись в твоей памяти». Она подошла ближе и с улыбкой обратилась к нему на иностранном языке: «Eca tinum mi turnum ruva fler. Eca shuthi tularn zuchum. Что означают для тебя эти слова, Лазарь?»

Лазарь ответил: «Эти слова написал священник Нарамсин, в тот день он преподнес своему брату подарок, и в склепе сохранились его слова».

«И тот брат, который получил дар, был, собственно, тобой, не так ли?»

Скажи мне, Лазарь, откуда ты знаешь, что эти слова означают то, что ты говоришь?»

«Я уверен в их смысле — и всё же не знаю, откуда я это знаю».

«Тогда я расскажу вам, как. Подобно Нарамсину, вы знаете их значение, потому что они являются...»

Слова моего рода — язык ангелов. Вы знаете их, потому что вы из моего рода.

семя. Как и любой Эльджо, ты родился, зная ангельский язык, только ты не знал этого, пока не увидел эти слова. И если бы ты не выучил язык людей — если бы ты был с другими представителями своего рода — ты бы говорил на своем родном языке.

Она подняла фиолетовый камень и, рассматривая его многочисленные грани, обратилась к Лазарю: «Ты можешь помочь своей матери обрести свободу, дорогой. Мне понадобится твоя помощь». Она бросила камень, снова поймала его и одарила его хитрой улыбкой.

«И все же вы уже свободны», — заявил он.

«Не совсем. Вы видите лишь тень меня; я предстаю перед вами только в духовном обличье. Моё истинное Я находится по ту сторону Великой Печати, врат, которые вы откроете для меня. Вы прочитали».

об этом говорится в апокрифических книгах.

Апокрифические тексты говорят о Великой Печати — ведущей в Великую Бездну. Однако, если Камень ворот аббатства является этой печатью, то она уже открыта.

Люцифаэль сообщил ему: «Это лишь часть. Две открыты; есть ещё третья. Великая Печать состоит из трёх печатей, и все три должны быть открыты одновременно. Пока последняя закрыта, я остаюсь в заточении. А поскольку ты стоишь по другую сторону этих ворот, ты держишь «Ключ к моей свободе».

Он вспомнил о узнике в катакомбах. Лазарь отступил от неё. «Я не буду помогать» ты."

«О, ты так и сделаешь», — она последовала за ним, когда он удалялся всё глубже в пещеру.

«Читая страницы Нарамсина, ты узнал каждое заклинание, каждый стих и каждое слово на самих печатях, которые держат меня в плену. Особое собрание...»

Эти стихи, если их прочитать в точном порядке, откроют любую из трёх печатей. Мне нужно лишь сказать вам, какие именно стихи и в каком порядке вы должны их прочитать, чтобы открыть последнюю печать.

«Вот чего ты добивался, когда просил меня откатить камень и открыть пещеру — камень — это ещё один Камень-Врата, а пещера — это Ад». Лазарь отступил в скалистую нишу. «И вот это

«Вот почему ты не можешь сделать это сам». Он нервно покачал головой. «Я посвятил свою жизнь Богу. И я также дал слово, что отправлюсь в Италию и приведу брата Сальва...»

«О, поистине! Ты отправишься в Италию, ибо третья печать находится в соборе того самого монастыря, куда ты обещал привести этого святого. Но вместо того, чтобы привести его, я повелеваю тебе открыть для меня эту последнюю печать. И, как того требует твоя вера, ты это сделаешь». «Почитай свою мать, повинуйся моим заповедям».

Лазарь запинался, пытаясь объяснить заповедь, о которой она говорила: « Почитать мать твою... — Бог имел в виду... что это значит...»

Она перебила его. «Молодец, Лазарь. Ты раскопал истину. Однако, сделав это, ты теперь оказался в затруднительном положении, ведь ты не можешь одновременно чтить свою мать и бесчестить дьявола, не так ли? А это может означать только одно: слова, которые ты произносишь, были предназначены не тебе. Проще говоря, ты не человек и у тебя нет души, с которой можно было бы вести переговоры. Ты — Эльджо, всего лишь зверь. И, как любой зверь земной, твои инстинкты говорят тебе: «Есть только время — сейчас».

Он защищался: «Возможно, но я не откажусь от своей веры только потому, что у меня может не хватать души. И с моей верой во Всемогущего Бога я собираю себя не просто как зверь, а как нечто большее». Я не буду оказывать тебе материнскую поддержку, когда даже зверь проявляет больше заботы о своих детенышах.

Люцифаэль расправила крылья и прижалась к нему, вонзив клыки ему в лицо и прорывав: «И убью тебя, если ты не подчинишься мне! Тебе нечего ни приобрести, ни потерять, кроме самой жизни». А для тебя жизнь — это всё, что у тебя есть! Это твоя вечность! — резко сказала она, сложила крылья и дала ему пространство.

Она смягчила тон. «Я хочу, чтобы ты использовал слова Нарамсина, чтобы открыть печать в Канчелло. Сделай это для меня, и я дам тебе вечную жизнь — бесконечную плоть. Вместе с ней ты получишь всё, что может дать любая душа — мир вечной жизни. Это мой завет с тобой: всё, что бессмертная душа может пообещать Элью. Открой её, Лазарь — живи вечно».

Он с трудом сглотнул и, ища ответа в темных глубинах грота, увидел перед собой лишь черноту, такую же пустую, как взгляд его матери .

«Если ты мне откажешь, Лазарь, то у меня не останется иного пути, кроме как убить тебя здесь и сейчас. А я этого искренне не желаю». Она скрестила руки и ласково посмотрела ему в лицо.

Он опустил голову. Тяжело вздохнул и, задыхаясь, произнес: «Я... это неправильно... я не могу».

Люцифаэль повернулась, но тут же резко обернулась, ее глаза были словно черные кинжалы. Она провела черными ногтями между пальцами, словно надрывая рану. «Довольно!» Она обернула взгляд назад и проворчала: «Veni, vita ad vitam. Altera pars facta». И тут же пещеру наполнили пронзительные визги свиней. Лазарь вздрогнул, обнаружив своего некогда мертвого кабана, барахтающегося, словно выброшенная на берег рыба. Оживший зверь поднялся на ноги и неуклюже встал всего на трех лапах.

Она крикнула ему сквозь фыркание и хрипы кабана : «Глупец, погрязший в глупой вере, поспешно падает в могилу! Как и ты сейчас, Эльо!» Лазарус, пораженный, наблюдал, как кабан, хромя, направился к Люцифаэлю, без бедра, а из большой впадины блестела жидкость. то, что когда-то занимало ее заднюю часть. Тяжело хрипя, оно остановилось перед ней и подняло взгляд, его глаза, полные воды.

Она поправила животное: «Твои страдания не у моих ног, свинья!» Она обвиняюще ткнула пальцем в Лазаря: «Вот! Это Эльо вырезал тебе задницу!» Кабан повернулся к Лазарю, его взгляд был устремлен на него, словно он осознал свое затруднительное положение и хотел получить от него дальнейшие объяснения. Однако Лазарь стоял безмолвно, голова кружилась, в животе все переворачивалось. Он отвел взгляд.

«Нет! Посмотри на него!» — взревел Люцифаэль. «Смотри, как он страдает! Ты украл его ногу!» Лазарус украдкой взглянул на него и увидел, как кабан прыгает по кругу, скуля и словно настаивая на демонстрации своего ужасного состояния. Он ненадолго замер и уставился на него. Наконец, зверь впал в хрип и начал задыхаться, а затем помочился, что снова заставило Лазаруса отвернуться от этого извращенного зрелища. Он пробормотал ухмыляющемуся Люцифаэлю: «Ты лишь обманываешь. Это неправда».

Люцифаэль обогнул кабана и приблизился к нему, проворчав: «О, это совершенно реально, Лазарь; так же, как и прежде, горячее кровью и страдающее, как в тот момент, когда ты его убил. И оно жаждет...» «Чтобы узнать, почему ты украл его ногу — почему ты его убил». Она остановилась перед ним. « Не кради; не убивай. Вспомнишь это?»

Лазарь защищался: «Вы искажаете их смысл. Заповеди не распространяются на животных».

Кабан, хрипя, упрекнул его: «Это ты исказил их смысл! Разве это не те самые слова, которые ты сказал святому человеку после того, как тот прогнал крысу в туннель? И разве ты не почувствовал себя божественным, бросив ведро и спася эту крысу?» Лазарь отказался отвечать.

«Признайтесь в правде: разве вы не видели в этом святом человеке, возможно, какого-то великого демона?»

«Обрушить свой гнев на ничтожную невинную крысу? И разве вы не представляли себе в тот момент себя на месте этой крысы, преследуемой гигантским дьяволом, который намеревался убить вас лишь потому, что счел вас оскорбительным — уродливым и безбожным?»

Лазарус нахмурил брови, притворяясь растерянным, и посмотрел мимо неё, чтобы увидеть... Трехногий кабан смотрел на него снизу вверх.

«Конечно, ты так и сделала», — спокойно ответила Люцифаэль, — «Как ты сама мне и призналась ». Она завела руки за спину и замахала крыльями.

«Вы непоколебимы в своей вере; однако такая уверенность делает вас совершенно бесполезным для меня. Несомненно, я найду другого, кто сможет открыть печать Канчелло. Кроме того, я не позволю вам разрушить...» мои прошлые усилия и приглашение назойливого монаха для закрытия печати Гардиена».

Она резко развернулась и вернулась к кабану. «К сожалению, за счет твоей матери ты проявил глупую преданность бесплодной вере — мы еще не видели, как эта вера тебе пригодится, когда тебя принуждают. И так будет».

С виска Люцифаэль оторвала большой клочок шерсти, у корней которого свисал слой бледной кожи. Она подвесила спутанную массу между клыками кабана и произнесла

Оно повелело: «Примите это — плоть моего тела, отданную вам». Зверь понюхал, лизнул, а затем поглотил окровавленное подношение, снова проворчав : «Veni, vita ad vitam. Altera pars facta».

Затем она повернулась и взглянула на Лазаря, половина её гладкого красного черепа блестела, и она многоголосым голосом сообщила ему: «Послушай меня, Эльо. Раз ты спас крысу, оправдав её своей верой, теперь ты сам станешь крысой. И раз ты убил эту свинью, также оправдав её своей верой, теперь свинья станет твоим Великаном Дьяволом. Таким образом, мы привлечём твою драгоценную веру к ответственности, только теперь без препятствий и заблуждений. И в свой последний миг, когда тебя разорвут на куски, ты будешь взывать, прося...»

Почему ваша вера покинула вас? Тогда вы поймете в этом сиянии ужаса — и с абсолютной уверенностью — что Я Бог этого мира.

Люцифаэль предоставил кабану достаточно места, пока тот трансформировался, постепенно превращаясь в прямоходящего гигантского зверя — его клыки удлинялись, копыта превращались в шестипалые когти, а массивные костлявые крылья широко расправлялись на спине.

Абсолютно прямоходящий, с двумя щетинистыми столбами вместо ног, Свиной Великан возвышался на двадцать футов в сорокафутовом гроте. Направив на Лазаря синяк под глазом, Чудовище зарычало; его глубокое выражение лица отдавалось эхом по всей пещере. Лазарь

Он взглянул на вход в грот, и великан ответил, топнув ногой к отверстию и преградив ему путь к отступлению. Лазарус зашипел и отступил еще глубже в тень, прижав уши, как загнанная в угол кошка.

Стоя в центре пещеры, Люцифаэль испепеляюще посмотрела на них обоих. Она усмехнулась, развернулась и направилась к более глубокой стене пещеры, окликнув Лазаря: «Твоя вера теперь подвергнута испытанию!» Она унизительно посмотрела на его молитвенный крест: «Возможно, ты мог бы использовать против него это бесплодное и безкорневое дерево!» Великан снова зарычал, словно подчеркивая дьявольский юмор.

Она остановилась у стены пещеры, повернулась и в последний раз обратилась к Лазарю: «Если бы не я, за твою дерзость, я бы, несомненно, вкусила твою смерть!» «Канчелло ждёт, а мне ещё предстоит открыть последнюю печать!» И, словно рой саранчи, Люцифаэль растворилась в скальной поверхности, оставив своего Лазаря переживать за свою судьбу.

Лазарус взглянул в сторону ее ухода и увидел Свиного Великана, размахивающего над головой огромным валуном. Демон швырнул его вниз. Он нырнул боком на пол пещеры, когда летящий над ним камень с визгом пронесся над ним и с грохотом врезался в стену. Под градом камней Лазарус вскочил на ноги и помчался вокруг задней части пещеры, вдоль одной стороны и мимо огня. Там он присел на корточки, расставив ноги, сгорбившись, готовый к бегству, но Великан уже обернулся против него, готовый к атаке Эльджо — слишком поздно.

Псс! Рядом с костром, на вершине кольца из камней, на обгоревший камень упал комок гуано и зашипел. Лазарус мельком взглянул на потолок, покрытый летучими мышами, а затем устремил взгляд в огонь. Медленно он наклонился и вытащил из пламени еще пылающую ветку. И Великан тихо зарычал себе под нос, расправив когти. Однако оба стояли неподвижно, их взгляды встретились, возможно, в ожидании любого движения со стороны другого.

Лазарус взмыл в воздух, хлопнув крыльями и устремившись вверх. Великан с грохотом бросился вперед, взмахнув своим чудовищным когтем и задев его бедро.

«Визг!» — пронзительно закричал Лазарус, кружа по потолку пещеры и обстреливая его пламенем факела, заставляя всех летучих мышей взлететь в вихрь, который быстро охватил грот. Летучие мыши проносились мимо чудовища, ослепляя и покрывая его потоком трепещущих крыльев. Чудовище взревело, царапая их, когда Лазарус нырнул в толпу и засунул пылающий факел между клыками. И в этом хаосе он спикирова. Пронеслось боком сквозь огромную, щетинистую дугу его ног, врезавшись в узкий выход.

проход, где он бросился к входу в пещеру.

Свиноподобный Великан, развернувшись, бросился за ним, воя и проламывая себе путь сквозь отверстие грота, расширяя его своими размахивающими клыками. В граде камней Демон вырвался из грота и выскочил из Горной Пасти. Заметив летящего Лазаря, он расправил пару чудовищных крыльев и устремился к звездам, каждый тяжелый взмах крыльев сбивал с ног целые стаи убегающих летучих мышей.

Лазарь оглянулся и увидел, как великан спешно поднимается вслед за ним.

Он поднимался все выше и выше, пока суровые очертания ландшафта не сгладились, превратившись в бескрайнее земляное покрывало. Однако Свиной Великан продвигался вперед; Лазарь теперь мог видеть детали на его отвратительном лице. Наконец, воздух похолодел, и его легкие горели. Лазарус выровнялся, задыхаясь, глаза его слезились от боли в напряженной спине и крыльях. Он украдкой взглянул еще раз и увидел, что Великан почти навалился на него сверху, размахивая когтями у его пяток.

Лазарь сложил крылья и резко взмыл вниз, падая почти на тридцать градусов ниже юго-восточного горизонта. С зажмуренными глазами, стиснутыми зубами и кровоточащими крыльями он стремительно снижался. Его скорость взлетела, ветер завыл, а порывы ветра обжигали кожу — Лазарь был падающей звездой.

Сквозь ревущий и колючий ветер он наконец сбавил скорость и открыл глаза — посреди верхушек деревьев! Лазарус расправил крылья и взмыл вверх, продолжая мчаться между переплетенными ветвями огромных дубов-близнецов, более легкие ветви которых били его по голове порезами и синяками. Он поднялся на безопасную высоту и обнаружил, что Свиной Великан — всего лишь крошечная точка на северо-западном горизонте, на одном уровне с ним, паря чуть выше верхушек деревьев. И снова Лазарь взмыл в небеса. Эта крошечная точка поднялась вместе с ним. И снова он нырнул с воем. Наконец, его порожденный дьяволом хищник исчез.

И еще час, избитый и истекающий кровью, он пробирался на юго-восток, пока не нашел... Река, которую он вспомнил по картам аббатства: река Рона, впадающая в... Леонский залив и океан. Рона была его ориентиром — той самой дорогой, которая приведет его в Италию. Он повернул направо и следовал по извилистой, гладкой, как зеркало, ленте на юг.

Пролетел ещё час, и тонкая красная линия рассекла восточный горизонт — наконец-то наступил рассвет. В своей согревающей коже он знал, что гигант всех демонов — это дикое палящее солнце — скоро захватит небеса. Поэтому Лазарь низко спикировал, обыскивая земли к западу от реки в поисках хоть какого-нибудь укрытия, которое могло бы защитить его от...

Приближающаяся дневная гроза.

Наконец он нашел его — узкую щель, прорезанную в склоне хребта. Он приземлился перед отверстием и проскользнул внутрь, обнаружив пещеру, которая разрасталась в большую впадину — убежище, более чем достаточное, чтобы защитить его от смертоносных лучей дня. Спотыкаясь, он направился к задней части полости и рухнул на четвереньки. Зажатый в унитазе, весь в поту и истекающий кровью, он рухнул на пол пещеры и погрузился в сон от полного изнеможения.

Неподалеку стоял пастух, пася своих овец; однако, увидев крылатое существо, он... «Человек, спустившийся с заходящего неба, прокрался в пещеру», — выдохнул он, бросил посох и поспешно убежал.

День прошел, и последние красные лучи сумерек рассеялись, когда Лазарь вскочил на ноги, прижав уши, и отступил вглубь пещеры, шипя на трех визжащих собак, которые рвалась вперед на тугих поводках. Их хозяин, крепкий бородатый солдат, вошел следом, опираясь на кожаные привязи. Рядом с ним проскользнул еще один человек, вооруженный... факел. Лазарь снова зашипел на чудовищ, и те впали в ярость, почти визжа, а не лая. Заметив Лазаря, факелоносец крикнул в движущееся море факелов за пределами пещеры: «Мы поймали его! Готовьте оружие! Защищайте вход!» В ночном воздухе шелестели факелы.

Третий солдат, зарывав над царящим хаосом, наклонился внутрь и завыл: «Уберите этих проклятых визжащих собак отсюда!»

Крепкий солдат оттеснил их прочь сквозь распахнутые факелы, когда из гущи раздался другой голос: «Сообщите моему господину, что мы поймали дьявола! Спешите!» «Да, сержант», — последовал ответ.

Лазарь насторожил уши, услышав скачущий, спешно удаляющийся конь. И все затихло, нарушалось лишь шелест солдат и треск факелов. Затем в пещеру вошел рыцарь в доспехах, со шлемом в руке и обнаженным мечом. За ним выстроились лучники с арбалетами, прижавшись к передней стене, нацелив свои стрелы на Лазаря. Рыцарь суровым шепотом отдал приказ: «Держите оружие на дьяволе. И не стреляйте мне «Назад». Он повернулся к Лазарю и медленно шагнул вперед, размахивая мечом.

"Вы говорите?"

Лазарь выпрямился. «Ты называешь меня дьяволом, а потом спрашиваешь, умею ли я говорить?» Он откинул волосы назад: «Я не дьявол, и да, я умею говорить, читать и писать». Рыцарь опустил клинок.

«Вы обращаетесь по титулу или по имени?»

«Сквайр Лазарус Гогу из аббатства Гардъен. Я просто прохожу мимо», — предложил он. «Ты пришел один? Может быть, есть и другие, подобные тебе — крылатые и зубастые, как ты?» Лазарь стоял молча.

«Значит, настало время Лазаря, — сказал рыцарь. — Скажите мне, оруженосец, ваши демоны навлекли на эти земли великую эпидемию?»

«Я не дьявол, и я не дьявол. И если вы позволите мне пройти, я буду благодарен и любезно покину вашу пещеру и ваши земли».

Он направил меч на Лазаря. «Если вы нападёте на моих людей или попытаетесь бежать, я пронзу вас прямо на месте». Он резко развернулся и приказал своему отряду: «Не сомневайтесь». Рыцарь покинул пещеру, а его лучники метнули смертоносный огонь по Лазарю.

В пещеру вошел неопрятный солдат с длинным кинжалом наготове и продолжил свою угрозу: «А потом мы тебя изрубим на куски не больше мясных лепешек». Он предупредил Лазаря. — Повернув клинок, — «А теперь садись, дьявол!» Лазарус усёл, услышав, как один лучник шепчет другому: «Посмотри на него — во плоти — сам дьявол!»

Когда солдат отошёл, факелonosец подошёл ближе к Лазарю и обратился к нему: «Замолчите или будете убиты. Я получше вас рассмотрю». Он поднял факел высоко, озарив Лазаря, и мужчины благоговейно заворчали.

«Значит, ты и есть Дьявол, да?» — спросил его человек с факелом. «Я представлял его немного более свирепым — с огнем, пылающим из глаз, окровавленными рогами и длинным зазубренным хвостом». Он повернулся к товарищам и усмехнулся сквозь отсутствующие зубы, а они ответили ему тем же — нервным хихиканьем.

Один из них крикнул: «Пусть откроет пасть! У него зубы как у собаки — и он может сожрать ваше сердце одним укусом!»

«Откройте рот». Факелonosец наклонился ближе и демонстративно открыл свой кривозный рот. «Ах». Ряд лучников вытянулся вперед, чтобы лучше видеть.

Однако Лазарь лишь отмахнулся от них, нахмутив брови.

Тогда один из лучников воскликнул: «Держитесь от него подальше! Он наложит на вас заклятие — поразит нас всех чумой!»

Испуганный, возможно, заявлением лучника, факелonosец повел себя так, словно его укусил Лазарь, отбросив в сторону пламя и бросившись прочь. Солдаты переключили оружие, и в... Возможно, на более безопасном расстоянии, он осудил Лазаря: «Мы — мужи Божии, Всемогущий! Твои силы связаны в Его присутствии!» Он плюнул на землю. Мужчины снова забормотали что-то себе под нос, поспешно касаясь себя крестным знаком. Лазарь опустил взгляд на плевки факелonosца и проигнорировал их.

Вне пещеры солдаты по очереди засовывали пальцы себе в голову, чтобы поглазеть на него.

Наконец Лазарь услышал стук копыт подвязанного коня, сопровождаемый звоном цепей, отражающимся в их движениях.

Приглушенный голос крикнул: «Отойдите в сторону! Уступите дорогу!» Факелы распахнулись, когда в пещеру вошли трое мужчин с кандалами. Лазарь медленно поднялся, как и ряд арбалетов. Оказавшись внутри, они бросили груды цепей в центре пещеры перед Лазарем.

Рыцарь, все еще держа шлем под мышкой, вышел вперед и дал указания Лазарю: «Эти кандалы предназначены для того, чтобы сковать вас. Либо примите их, либо будете убиты на месте. Дайте понять, что вы выбрали». Нетерпеливо зашевелилось оружие.

Лазарь ответил: «И если я соглашусь, ты убьешь меня, потому что сможешь, объявив меня дьяволом, плененным. А если я откажусь, ты убьешь меня, потому что я отказался, объявив меня дьяволом, убитым».

Рыцарь возразил: «Эти приказы не мои. Они исходят от моего господина, Сериса д'Альсикура, графа де Лангуане и сеньора этих земель. Он добивается вашей аудиенции, но только если вы согласитесь соблюдать меры предосторожности в его присутствии. Более того, он приказал, чтобы вам не был причинен вред». Рыцарь подошел ближе, и, возможно, в его голосе прозвучала искренняя мольба: «Мой господин справедлив; его слово обязательно к исполнению». Он передает такие слова: «Если вы поможете ему хотя бы в одном простом деле, в одном из ваших... э-э... способностей, то сможете уйти».

«Что это такое?» — спросил Лазарь.

«Мой господин ничего не говорит. Тем не менее, он желает поговорить с вами сейчас. Не позволите ли вы нам задержать вас на это время?»

Лазарь рассказал историю Нарамсина и нищего во Христе. И, как он вспоминал, Нарамсин верил в обещание Собора о свободе, а нищий верил в то, что никогда не считал себя по-настоящему связанным. Ему казалось, что вера стоила им обоим жизни — возможно, ни один из них не сохранил веру, несмотря на должное уважение к себе. И всё же Лазарь теперь стоял перед грудой цепей, возможно, в момент, когда его судьба могла решиться не только благодаря вере. И с каплей разума, грудой сомнений и горой...

Доверчивый, он смиренно позволил солдатам заковать его в кандалы.

Однако за несколько часов до этого, даже при свете дня, когда Лазарь спал на полу пещеры, весть о пленении Дьявола разнеслась по всей стране со скоростью ослепительного крестового похода, и с каждым пересказом эта история становилась все более фантастической. Последним из многих слухов было то, что Сатана был обнаружен в пещере, высасывающим сердца из убитых священников, и еще сотня

Люди пали, не сумев схватить его, не сумев помешать ему насрать на эти земли ужасную эпидемию.

К воротам замка д'Альсикур хлынул поток свободных и наемных слуг, солдат, священников, женщин и детей. Многие папские писцы пришли, чтобы записать историю, чтобы потомки смогли точно ее пересказать. И под звездным небом собрались все: молодые и старые, богатые и бедные, праведные и нечестивые, чтобы взглянуть на Дьявола, Царя Демонов.

Может показаться, что теперь самому Сатане предстоит понести наказание за каждое свое злодеяние. деяние против Творения.

[Конец главы 13]

Это литературное произведение было создано

и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~